

Научная статья
УДК 261.7“1917/1930”
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.23>

Опыт сохранения монастырской самобытности в обителях Подмосковья в условиях музейной политики советской власти (1917–1930 гг.)

Игорь Ильич Степанов (игумен Лука)¹, Александр Анатольевич Зажеко (иеродиакон Антоний)²

¹Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия, Ig.Stepanov@365rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7466-3304>

²Московская духовная академия, Сергиев Посад, Россия, svet_285@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2105-2876>

Аннотация. В статье рассматривается опыт музеефикации монастырских ценностей в советский период после революции 1917 г. В оборот исторической науки авторы вводят новые архивные данные. Сделан вывод, что, с одной стороны, музеефикация монастырей Подмосковья в послереволюционный период способствовала сохранению многих культурных ценностей, национального богатства, традиционной монастырской бытовой культуры и ее особенностей в разных монастырях; с другой – идеологизированность государственной политики приводила к вытеснению из музеев-монастырей церковного элемента, а также нецелесообразному использованию монастырских памятников культуры. Размещение в монастырских стенах государственных и общественных учреждений, переориентация их под хозяйственные и жилищные нужды рабочего населения Московской губернии обуславливали торможение процессов музеефикации и массовое разрушение монастырских ансамблей. Также отмечено, что на современном этапе качество музеефикации монастырских ценностей влияло и продолжает влиять на трудоемкость восстановительных работ по реставрации монастырских комплексов.

Ключевые слова: музеефикация монастырей, послереволюционная музейная политика советской власти, монастыри Подмосковья, Троице-Сергиева лавра, Ново-Иерусалимский монастырь, Иосифо-Волоцкий монастырь, Саввино-Сторожевский монастырь, Борисоглебский монастырь, собственность РПЦ

Для цитирования: Степанов И.И. (игумен Лука), Зажеко А.А. (иеродиакон Антоний) Опыт сохранения монастырской самобытности в обителях Подмосковья в условиях музейной политики советской власти (1917–1930 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 155–166. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.23>.

Original article

Experience in preserving monastic identity in the cloisters of the Podmoskovye in the context of the Soviet regime's museum policy (1917–1930)

Igor I. Stepanov (Hegumen Luka)¹, Alexander A. Zazheko (Hierodeacon Antoniy)²

¹Ryazan State University named for S. A. Esenin, Ryazan, Russia, Ig.Stepanov@365rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7466-3304>

²Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Russia, svet_285@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2105-2876>

Abstract. The article examines the experience of museumification of monastic property in the Soviet regime in the aftermath of the 1917 revolution. The authors introduce new archival data into historical scholarship. Conclusion is made that, on the one hand, the museumification of the Podmoskovye monasteries in the post-revolutionary period contributed to the preservation of many cultural values, national wealth, traditional monastic household culture and its features in different monasteries. On the other hand, the ideologization of the state policy led to the ousting of the church element from monastery museums, as well as to inexpedient use of monastic cultural monuments. The placement of state and public institutions within monasterial walls and their reorientation towards the domestic and housing needs of the working population of the Moscow Governorate caused a delay in the processes of museumification and the mass destruction of monastic ensembles. At the current stage, it is also noted that the quality of the museumification of monastic property has influenced, and continues to influence, the laboriousness intensity of restoration work on monastic complexes.

Keywords: monasteries museification, Soviet regime's post-revolutionary museum policy, Podmoskovye monasteries, Trinity Lavra of St. Sergius, New Jerusalem Monastery, St. Joseph-Volokolamsk Monastery, Savvino-Storozhevsky Monastery, Boris and Gleb Monastery, property of the Russian Orthodox Church

For citation: Stepanov, I.I. (Hegumen Luka) & Zazheko, A.A. (Hierodeacon Anthony) (2022) Experience in preserving monastic identity in the cloisters of the Podmoskovoje in the context of the Soviet regime's museum policy (1917-1930). *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 155–166. Available from: doi:10.24158/fik.2022.5.23 (In Russian).

Введение. Актуальность темы определяется важностью использования опыта прошлого на современном этапе в плане активизации принятой в настоящее время музейной практики, которая позволяет сохранять православные традиции жизни и быта монастырей, их самобытного опыта служения Церкви и Отечеству. Цель работы: показать возможности и способы сохранения традиций, опыта и специфики монастырской жизни и быта на примере послереволюционной музейной политики советской власти; ввести в оборот исторической науки новые архивные данные; предостеречь от ошибок прошлого.

С наступлением XXI в. актуализируется проблема разграничения музейных экспонатов и собственности Русской православной церкви, изъятой в советский период. В связи с этим возникает ряд вопросов, связанных с особенностями музеефикации. Анализ диссертаций и статей по разным аспектам темы говорит о том, что степень изученности данной проблемы сохраняет лакуны, которые отчасти мы стремились заполнить материалами этой статьи.

Наиболее известная работа по обозначенной теме – труд П.А. Флоренского (1988), впервые опубликованный в 1922 г. в журнале «Маковец», где идет речь об идее «живого музея». Ценными для изучения процесса создания и деятельности музеев, действовавших на базе московских монастырей, являются публикации О.П. Постернак, в особенности ее диссертация, выполненная на материале Донского и Страстного монастырей, о религиозном культурном наследии России, переведенном в советском обществе в категорию культурной ценности¹.

В некоторых работах современных исследователей музеефикация монастырей рассматривается в культурологическом или краеведческом аспекте. Историческому контексту уделено мало внимания; влияние анализируемых процессов на церковную жизнь зачастую остается в стороне либо упоминается незначительно. Так, в статье К.А. Соловьева исследуются проблемы взаимодействия музеев и религиозных организаций в деле сохранения памятников церковного искусства как общекультурного наследия. Автор – сторонник идеи использования европейского опыта взаимодействия музеев и религиозных организаций для полноценного сотрудничества с Евросоюзом в деле межкультурного диалога (Соловьев, 2007: 211). В качестве позитивного примера взаимодействия Церкви и государственных музеев К.А. Соловьев приводит опыт музея храма Христа Спасителя, который является филиалом Музея истории Москвы и в то же время музеем современного церковного искусства.

В статье М.А. Гагановой внимание обращено на проблему профилизации музеев-монастырей во второй половине 20-х гг. XX в.: каждый из них, по мнению автора, должен иметь индивидуальный научно-познавательный облик (2015). Например, Симонов монастырь – это демонстрация древнерусского военного быта; Новодевичий монастырь – эпохи стрелецких бунтов и правления царевны Софьи; Александровская слобода – опричнины; Оптиная пустынь – музей бытового и историко-литературного профиля XIX – начала XX в. Концепцию «живого музея» священника Павла Флоренского рассматривают в культурологической статье Л.С. Алексева и Л.В. Оленич (2017).

В диссертации М.А. Гагановой музеефикация определяется как оптимальный путь сохранения и использования культурного наследия. Автор называет начальную границу истории российских музеев-заповедников – рубеж 1950–1960-х гг. Сергиево-Посадский музей, созданный ранее указанной границы, нуждается в поиске и введении в оборот науки новых архивов. М.А. Гаганова исследует ансамбль Троице-Сергиевой лавры как объект музеефикации в 1920–1940-е гг.² В работе Г.А. Демченко и А.В. Горбатова рассматривается тема сохранения колоколов в контексте сбережения целостного восприятия религиозного искусства; поднимается проблема ведения фондовой работы с наиболее ценными колоколами и составления «паспорта колокола» в храмах и монастырях РПЦ (2020: 181).

Статья Б.Л. Шапиро посвящена исследованию на основе архивных материалов истории некрополя Вознесенского собора Вознесенского девичьего монастыря Московского Кремля. Спасение монастырского некрополя от уничтожения силами научных и музейных работников открыло путь к его музеефикации, которая явилась первым успешным опытом музеефикации руинированных и утраченных исторических построек (Шапиро, 2020).

¹ Постернак О.П. Музейная политика России и судьба религиозного культурного наследия в 1920–1930-х гг. (по материалам Донского и Страстного монастырей) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 28 с.

² Гаганова М.А. Проекты и практики музеефикации Троице-Сергиевой лавры в 1920–40-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 26 с.

Диссертация Т.В. Бойко посвящена монастырским комплексам Москвы, на территории которых в 1917–1920-е гг. были организованы музеи. Автор делает вывод, что после Октябрьской революции, в условиях атеистической пропаганды и закрытия многочисленных монастырей и храмов по всей России, музеефикация стала практически единственным способом спасения памятников православной культуры от полного уничтожения¹.

Как видно из указанных работ, тема музеефикации рассматривалась исследователями многоаспектно, однако новые вводимые нами в научный оборот архивные документы дают возможность углублять анализ. Нами предпринята попытка проанализировать проблему музеефикации монастырей Подмосковья с точки зрения церковной истории в историческом контексте государственной политики советской власти, а также в аспекте церковной жизни и состояния церковно-государственных отношений.

Антирелигиозная политика советской власти привела к тому, что многие монастыри и монастырское имущество подверглись реквизиции, конфискации, ликвидации и даже полному уничтожению отдельных монастырских ансамблей. Вместе с тем в советский период одним из приоритетных направлений государственной политики стала музейная деятельность, которая в России существовала и развивалась в царскую эпоху. На этом этапе формировалась законодательная база в области музейной деятельности.

Первый период музеефикации отчасти затронул монастыри Московской губернии. Так, например, известен факт о попытках разграбления имущества Троице-Сергиевой лавры. В связи с этим инцидентом было выпущено распоряжение Временного революционного комитета (ВРК) Сергиева Посада от 9 ноября 1918 г., в соответствии с которым запрещалось пользоваться хранилищем и архивами лавры в целях обеспечения их сохранности².

Декретом от 23 января 1918 г. Церковь была отделена от государства, а школа – от Церкви. Согласно этому документу, все храмы и молитвенные дома передавались под контролем Народного комиссариата просвещения (НКО)³ и Народного комиссариата юстиции (НКЮ) под санатории, школы, училища, фермы, детские трудовые коммуны, а монастыри использовались в хозяйственных целях. Таким образом, судьба храмов и монастырей всецело зависела от усмотрения местных Советов⁴. Для более эффективной национализации имущества был создан 8-й ликвидационный отдел НКЮ.

В мае 1918 г. сформирован музейный отдел Наркомпроса (Гаганова, 2018: 88). Музеефикация стала основным правовым способом сохранения монастырей, церквей и других церковных зданий от уничтожения. У историка В.Ф. Козлова находим статистику монастырей – их более 1 200 (1994: 340). Создание музейного отдела положило начало истории монастырей-музеев.

В период 1918–1920-х гг. впервые было разработано законодательство по музеефикации и охране памятников искусства и старины. Законодательная база обеспечивала юридическую охрану культурных ценностей. Функционирование музейного административного аппарата началось только к осени 1918 г.

В период развития музейного дела заведующим музеями-монастырями Московской области был Н.Н. Померанцев. По его инициативе в закрывшихся монастырях создавались историко-художественные музеи, в частности в Сергиевом Посаде, Звенигороде, Волоколамске. В защиту организации музеев-монастырей Н.Н. Померанцев написал статью, в которой обосновал значимость музеефикации монастырских комплексов (Померанцева, 1995: 10).

На территории Подмосковья процессу музеефикации подверглись несколько крупных монастырей: в Сергиевском уезде – Троице-Сергиева лавра, Воскресенском – Ново-Иерусалимский монастырь, Волоколамском – Иосифо-Волоцкий монастырь, Звенигородском – Саввино-Сторожевский монастырь, Дмитровском – Николо-Пешношский монастырь и Дмитровский Борисоглебский монастырь. Большинство специалистов, привлеченных на первом этапе к развернутой музейной деятельности в монастырях Московской губернии, являлись людьми верующими и были неравнодушны к судьбе той или иной обители.

Первым монастырем, которого коснулись стремительные процессы музеефикации осенью 1918 г., была Троице-Сергиева лавра. Октябрьское постановление Сергиевского ревкома обязывало регистрировать и учитывать памятники искусства, включая церкви, молитвенные дома и

¹ Бойко Т.В. Московские музеи-монастыри в контексте культурно-просветительской политики советского государства в 1917–1920-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 31 с.

² ЦГАМО. Ф. 4340. Оп. 1. Д. 7. Л. 42.

³ Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР: полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного суда РСФСР и других советских социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбекской и Туркменской. М., 1926. 712 с.

⁴ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 753. Л. 2–2 об.

монастыри¹. Ноябрьским постановлением Московской коллегии отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса² в 1918 г. создана комиссия по охране Троице-Сергиевой лавры. Она подчинялась Наркомпросу и местному исполкому, которые часто действовали несогласованно.

Коллегия приняла во внимание высокое художественно-историческое значение Троице-Сергиевой лавры и постановила создать комиссию по ее охране, а также возбудило ходатайство о национализации имущества лавры³. В состав комиссии вошли специалисты в области музейного дела: искусствовед и реставратор Ю.А. Олсуфьев, художник М.В. Боскин, П.Н. Каптерев. В музейную комиссию был включен в качестве представителя Московской духовной академии священник П.А. Флоренский⁴.

Работа музейной комиссии была направлена на сохранение ценностей лавры и свидетельств уклада монастырской жизни. В дневниках о. П.А. Флоренского лавра-музей описывается как живой самобытный организм⁵. Так развивалась идея «живого музея». Проект музея Троице-Сергиевой лавры был разработан в декабре 1918 г. (Гаганова, 2018: 96) членами комиссии П.А. Флоренским и П.Н. Каптеревым (Трубачев, 2008: 21).

Именно они способствовали сохранению самобытности монашеского жизнебытия этого уникального мужского ставропигиального монастыря в самом сердце России. Действительно, факт трудоустройства лаврских монахов на различные рабочие места зафиксирован в документах комиссии по охране лавры. Согласно кадровому списку, изначальное количество оформленных на работу монахов составляло 43 человека⁶, в августе 1919 г. в нем уже значилось более 50 монастырских насельников⁷. Монахи лавры занимали разные должности: от дворников и печников до специалистов в области искусства и реставрации. На одном из заседаний комиссии, обсуждая кадровый вопрос, заведующая музейным отделом Наркомпроса Н.И. Троцкая выразила мнение о том, что насельники лавры будут лучшими сторожами, чем кто-либо другой⁸.

Вместе с тем главной задачей комиссии по охране лавры было создание стандартного (в общепринятом понимании) музея, без религиозной направленности⁹. Выполнить эту задачу не представлялось возможным, так как в лавре находились монашествующие, которые были членами данного органа.

Национализация Троице-Сергиевой лавры произошла 24 октября 1919 г., состоялась ее передача в ведение комиссии по охране лавры¹⁰. В течение года проводились учет и описание историко-художественных ценностей, организовывалась их охрана от расхищения – не только на территории самой лавры, но и в других монастырях и имениях, таких как Абрамцево, Вяземы, Суханово¹¹. Комиссией была проведена серьезная работа по возвращению рукописей из библиотеки Троице-Сергиевой лавры, ранее взятых для научных целей Археографической комиссией Академии наук и другими столичными научными учреждениями¹².

15 июня 1920 г. имущество лавры было передано в ведение Наркомпроса и Сергиевского исполкома. Комиссия по охране лавры была связана с организацией работы Сергиевского историко-художественного музея (Гаганова, 2018: 101).

В июне 1920 г. было принято положение об учреждении архитектурного отделения в комиссии по охране лавры – для самостоятельного осуществления органом контроля за состоянием зданий и необходимых ремонтов, а также своевременного предупреждения разрушений¹³. Архитектурное отделение имело собственный штат сотрудников во главе с архитектором, который подчинялся отделу по делам музеев Главнауки Наркомпроса РСФСР и комиссии по охране лавры¹⁴.

С 1920 г. разворачивается повсеместная музейная деятельность на территории всей страны. Весной 1920 г. приказом музейного отдела Наркомпроса в Воскресенском уезде Московской губернии в стенах Ново-Иерусалимского монастыря был образован историко-художественный музей. В 1921 г. создан еще один музей – краеведческий, а 20 апреля 1922 г. оба музея были

¹ ЦГАМО. Ф. 4340. Оп. 1. Д. 7. Л. 42.

² ЦГАМО. Ф. 2609. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³ Там же. Л. 29.

⁴ ОР РГБ. Ф. 172. К. 127. Ед. хр. 8. Л. 4.

⁵ Флоренский П.А., свящ. Сочинения : в 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 371–382.

⁶ ЦГАМО. Ф. 2609. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2 об.

⁷ Там же. Л. 246.

⁸ Там же. Ф. 663. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

⁹ Там же. Л. 22.

¹⁰ Там же. Ф. 2609. Оп. 1. Д. 9. Л. 70.

¹¹ Там же. Д. 1. Л. 36.

¹² ЦГАМО. Ф. 2609. Оп. 1. Д. 1. Л. 7, 8, 11.

¹³ Там же. Д. 5. Л. 158–158 об.

¹⁴ Там же. Л. 160.

объединены, в дальнейшем музей стал развиваться в историко-художественном и краеведческом направлениях. Первоначально он подчинялся Наркомпросу, а с 1925 г. – Московскому отделу народного образования (МОНО).

В годовом отчете за 1924 г. музей именуется Государственным художественно-историческим краевым музеем¹; также сообщается о том, что ранее музей назывался Ново-Иерусалимским художественно-историческим музеем и Музеем местного края. Это свидетельство того, что ранее существовало два музея, в дальнейшем объединенных в музей, который действовал с 29 марта 1920 г.

Органом, руководящим научной работой музея, являлся совет научных сотрудников с участием представителей: 1) укома РКП; 2) президиума уездного исполнительного комитета (уисполкома); 3) уездного отдела народного образования (УОНО); 4) упраса. Хозяйственной деятельностью музея руководила особая комиссия, избранная советом из трех членов. Музей разделяется на три отдела: историко-культурный, естественно-исторический, общественно-экономический².

29 марта 1920 г. в стенах ликвидированного Ново-Иерусалимского монастыря открылись художественно-исторический музей и краеведческий музей. Монастырский музей при монастыре существовал еще до революции. После нее помещения монастырской богадельни, зимней церкви, монастырского музея и служебные помещения находились в ведении УОНО. В апреле все помещения были переданы музею³.

Изначально во главе музея была поставлена П.К. Разумовская-Бенеман – педагог местной школы. Затем заведующим был назначен Н.А. Шнеерсон. Заведующей историко-культурным отделом являлась его жена – Е.С. Радченко⁴. На протяжении долгих лет благодаря их деятельности музей снискал доброжелательное отношение всех местных органов. По мере возможности музею оказывалось содействие, особенно местным президиумом уисполкома в лице председателя М.И. Лебедева, А.И. Жукова и Я.М. Боровкова⁵.

20 апреля 1922 г. в соответствии с постановлением отдела, который ведал делами музеев Народного комиссариата просвещения, произошло объединение этих двух музеев⁶. Если после ликвидации монастыря некоторые монашествующие проживали на территории музея, то уже в 1923 г., согласно отчету, в корпусах музея уже никто не жил, а работники музея занимали кельи в монастыре в качестве арендаторов⁷.

В музее был организован подотдел монастырского быта, который был посвящен личности патриарха Никона и истории монастыря. В экспозиции подотдела представлены личные вещи патриарха, портреты церковных деятелей, фотографические снимки монастырских зданий, иконография, рукописные сочинения и письма, снимки Ново-Иерусалимского собора, монастырского скита, Елеонской часовни, портреты лиц, игравших выдающуюся роль в истории монастыря⁸.

По решению комиссии Мосгубисполкома в июне 1920 г. был окончательно закрыт Иосифо-Волоцкий Волоколамский монастырь⁹. Храмовые постройки переданы комиссии по охране памятников старины, а земли – Губернскому отделу народного образования (ГОНО).

1 июня 1921 г. в Иосифо-Волоцком монастыре был открыт музей, который входил в систему Главнауки Наркомпроса и включал в себя храмы, башни и трапезную палату, часть помещений продолжали использовать детские дома. Руководил музеем с 1923 по 1935 г. К.Н. Щепетов, преподаватель истории.

После громких звенигородских процессов (контрреволюционное восстание, вскрытие мощей преподобного Саввы Сторожевского), связанных с Саввино-Сторожевским монастырем в 1919 г., в конце 1920 г. встал вопрос о создании на его территории музея. 3 октября 1919 г. монастырские ценности были преданы местной комиссии по искусству и старине, а сам комплекс в первые годы советской власти принадлежал разным ведомствам: НКВД – как концентрационный исправительный лагерь для детей-инвалидов, Наркомздраву – как санаторий для рабочих. 13 ноября 1920 г. Наркомпрос начал работать над задачей использования монастыря в музейных целях.

15 февраля 1921 г. комиссия в составе Н.Н. Померанцева, архитектора И.В. Рыльского и В.П. Паевского приняла решение о размещении музея в бывшем духовном училище. Церковный

¹ ЦГАМО. Ф. 660. Оп. 1. Д. 124. Л. 3.

² Там же.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 834. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 16 об.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 834. Л. 12 об.

⁸ Там же. Л. 13 об.

⁹ Там же. Д. 838. Л. 1.

музей был расширен, получил название Саввино-Звенигородского художественно-исторического музея¹ и был открыт для посещений в июне 1921 г. Он освещает историю закрытого монастыря.

На начальном этапе музейной деятельности сотрудников было крайне мало. Заведующим музеем являлся В.З. Метельский, а в должности хранителя состоял А.Х. Максимов. До революции последний служил преподавателем Звенигородского духовного училища. В 1920 г. он проходил по известному делу Московского ревтрибунала «Совета объединенных приходов города Москвы», защищавших монастырские и храмовые святыни, в том числе от поругания – мощи преподобного Саввы Сторожевского.

Звенигородский музей, основанный на монастырских древностях, на начальном этапе развивал только церковную тематику. Все экспонаты были помещены в бывшую трапезную. К весне 1923 г. закончились ремонтные работы по окраске залов и началась деятельность по реставрации экспонатов. Торжественное открытие музея состоялось в этом же году².

Музей, кроме памятников архитектуры и церковной живописи XVI–XVII вв. – собор, стены, башни и пр., заключал в себе отдел помещичьего быта XVIII–XIX столетий, залы западноевропейского искусства и церковного искусства XVII в. Последние отделы и залы располагались в здании бывшего духовного училища. В зале древнерусского церковного искусства были выставлены вещи из ризницы: плащаницы, воздухи, пелены, облачения, иконы, сосуды и древние книги из монастырского архива³.

В последнюю очередь процесс музеефикации коснулся Дмитровского Борисоглебского монастыря. В 1926 г. он был окончательно закрыт. В помещениях был размещен городской краеведческий музей с хранилищем музейных фондов. Музей отреставрировал монастырские здания, создал новую краеведческую экспозицию⁴.

Расположившийся в стенах монастыря Дмитровский музей был открыт в 1918 г. во время съезда учащихся. Однако идея создания музея появилась еще в дореволюционное время. Впервые вопросы краеведения и мысли о создании музея Дмитровского края поднимались в Дмитровском уезде на съезде земских учащихся осенью 1916 г. Первое заседание комиссии при Дмитровском земстве по проблемам краеведения прошло 29 октября 1916 г.⁵

22 января 1917 г. на заседании комиссии краеведения при Дмитровской уездной земской управе был поставлен вопрос об организации музея. С 1 февраля 1917 г. готовилась первая выставка по краеведению Дмитровского края. Работы были прерваны Февральской революцией.

С приходом советской власти деятельность по организации музея возобновилась. 13 января 1918 г. обсуждались планы устройства музея. Летом того же года в национализированном небольшом домике Золотиных был открыт музей Дмитровского края. В конце августа 1918 г. он перешел в дом Гагариных. С этого времени в работе и жизни музея принимал участие революционер и русский исследователь Петр Алексеевич Кропоткин⁶.

Музей открылся и стал полноценно функционировать в сентябре 1918 г. Первыми сотрудниками были люди, имена которых известны в области искусства: Н.Д. Шаховская-Шик, Е.П. Анурова, А.Н. Соколова, М.Н. Поливанов и др.⁷

В 1920 г. деятельность музея была направлена на естественно-историческую часть и этнографию. Огромный вклад в этнографическую работу внесла Академия материальной культуры в лице В.В. Богданова, Б.А. Куфтина и Б.С. Жукова⁸. В этом же году музей перешел в подчинение Главмузею, так как неторговый отдел Союза дмитровских кооперативов, в ведении которого находился музей, прекратил существование⁹.

Тяжелым событием в ноябре 1920 г. для музея стал арест трех его сотрудников как бывших кооперативных работников – А.Д. Шаховской, А.Н. Соколовой и Е.П. Ануровой. Они находились в Бутырской тюрьме до апреля 1921 г. За это время вся работа в музее замерла и оживилась лишь с конца лета¹⁰. Заведующим был назначен К.А. Соловьев – советский этнограф, в 1920-х гг. он был представителем Главнауки Наркомпроса в Дмитрове и оказал неоценимую помощь верующим и духовенству Дмитровского уезда в спасении церковных ценностей.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 842. Л. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Елизарова Н.А. Воспоминания. М., 2005. С. 122.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 839. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 839. Л. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 6.

Когда начался повсеместный процесс изъятия церковных ценностей, К.А. Соловьев всеми силами пытался сохранить монастырские и храмовые историко-художественные ценности уезда. Об этом свидетельствует рапорт председателя Дмитровского УИКа¹. Вместе с ним против изъятия историко-художественных ценностей выступило духовенство Дмитровского уезда. Согласно показаниям К.А. Соловьева, комиссия по изъятию ценностей не руководствовалась инструкцией Главмузея².

После возвращения из заключения в июне 1922 г. сотрудницы музея А.Д. Шаховская, Е.П. Анурова и А.Н. Соколова были уволены по собственному желанию³. На самом деле отстранение произошло за религиозные убеждения⁴. К.А. Соловьев направил жалобу в музейный отдел Главнауки о неправомерных действиях местной власти. В ответе сообщалось, что увольнение служащих может происходить лишь с согласия музейного отдела⁵. Это не спасло положение. ДУОНО представило доказательства того, что данные работники вносят религиозное мировоззрение в культурно-просветительскую деятельность музея (чтение лекций и проведение экскурсий)⁶.

Увольнением сотрудниц музея по религиозным убеждениям дело не закончилось. Нападки местной власти продолжались. Представители органов управления критиковали деятельность музея и требовали открыть революционный отдел по Дмитровскому краю. В музейной документации отмечен факт обысков не только в музее, но и на квартирах персонала⁷.

В период с 1922 по 1928 г. филиалом Дмитровского краеведческого музея был другой монастырь Дмитровского уезда – Николо-Пешношский. В основном он использовался под музейные запасники. В документах отмечено, что в Николо-Пешношском монастыре располагался «особый отдел музея».

К середине 1920-х гг. в музейном деле наметились опасные тенденции, а в 1923 г. все фонды были объявлены государственным достоянием. В 1922–1926 гг. музеям разрешили реализацию дублетных (повторяющихся) фондов, ветхого имущества, а также имущества, не имеющего историко-художественного значения. Данные меры имели крайне негативные последствия не только для музейного дела, но и для Церкви. С учетом того, что большая часть музеев была отдана в ведение местной власти, реализация имущества осуществлялась некомпетентными людьми. Многие предметы, считавшиеся, по мнению экспертов, ценными, властью изымались как ненужные. В итоге музейным работникам приходилось искать способы сохранения имущества, идти на компромиссы, а иногда и вступать в противоборство с властью, что приводило к печальным последствиям для них, разграблению и продаже коллекций.

В целях уменьшения государственных расходов на музейное строительство в августе 1925 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О передаче в ведение местных исполнительных комитетов музейных и художественных учреждений местного значения»⁸. Наркомпросом СНК РСФСР утвержден перечень из 220 музеев, включая 49 в Москве, 23 – Петрограде и 148 – провинции. Остальные порядка 180 учреждений получили статус музеев местного значения и переведены на местный бюджет. Это свидетельствовало о том, что государство было не в состоянии обеспечить нормальное функционирование многочисленных музеев (Музейное дело..., 2003: 78).

Таким образом, на территории Московской губернии на конец 1925 г. из 19 музеев только 4 поддерживались отделом музеев Главнауки – Воскресенский, Дмитровский, Звенигородский и Сергиевский. Остальные содержались на средства советов⁹.

Передача монастырей-музеев в ведение местных органов власти приводила к прямому вмешательству в их внутренние дела и реорганизации их деятельности. Так, например, в 1925 г. реорганизация музея в Волоколамском монастыре была инициирована уисполкомом без уведомления Губмузея. В 1926 г. без ведома и согласия Главнауки распоряжением Дмитровского УИКа в Дмитровский музей был назначен новый секретарь, не имеющий научной подготовки и музейного стажа, что противоречило существующим правилам о порядке назначения в музеи научных работников¹⁰.

В вопросах, которые касались государственного финансирования, также наблюдались острые проблемы. Согласно отчету заведующего Дмитровским музеем К.А. Соловьева в Президиум

¹ ЦГАМО. Ф. 5638. Оп. 1. Д. 493. Л. 5.

² Там же. Л. 9.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 839. Л. 6 об.

⁴ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 322. Л. 100.

⁵ Там же.

⁶ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 322. Л. 100.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 839. Л. 16.

⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1678. Л. 74.

⁹ Там же. Ф. 966. Оп. 3. Д. 78. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 41.

Моссовета обнаружилось, что при передаче музея Дмитровского края из ведения Главнауки в подчинение органам Моссовета имели место факты, идущие вразрез с взятыми Моссоветом обязательствами по расширению работы краеведческих музеев. Так, Мосфинотдел при рассмотрении сметы музея значительно снизил сумму на его содержание сравнительно с цифрой предыдущего года. По замечанию К.А. Соловьева, Дмитровский УИК при переводе музея в другое помещение определил проведение ремонта за счет спецсредств¹, тем самым ухудшив материальное положение учреждения.

Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса РСФСР (Главполитпросвет), созданный в 1920 г., с течением времени значительно усилил политико-идеологический контроль за музейным отделом. Так, например, документы свидетельствуют о том, что в 1927 г. в связи с 10-летием Октябрьской революции музеям было поручено создать экспозиции революционных событий (Музейное дело..., 2003: 79–80). Это послужило толчком к началу процесса реорганизации.

В декабре 1925 г. встал вопрос о реорганизации Волоколамского музея. В Президиум Моссовета от Мосгубмузея было направлено извещение о предполагаемой процедуре. 12 декабря 1925 г. в Мосгубмузей поступило ответное сообщение от отдела по делам музеев Моссовета (Наркомпрос, Главнаука, муз. отдел) с просьбой предоставить все имеющиеся материалы по данному вопросу и план реорганизации². Губмузей ответил сообщением: «На ваш запрос о материалах по реорганизации Волоколамского музея-монастыря Мосгубмузей Главнауки Наркомпроса сообщает, что кроме отношения уисполкома г. Волоколамска и препроводительственного к нему письма Моссовета у Губмузея ничего не имеется. Причем план работы по реорганизации музея требует обследования деятельности и состояния монастыря, который связан с выездом особой для этого комиссии, которая в ближайшее время выедет на место. Задержка исполнения вызвана подготовительной работой Мосгубмузея, в связи с его реорганизацией в подотдел МОНО»³.

По всей видимости, дело с предоставлением отчетной документации затянулось. 13 января 1926 г. в Мосгубмузей поступило новое требование, в котором указывалось, что необходимые материалы до настоящего времени не получены. Поэтому отдел по делам музеев Наркомпроса затребовал в срочном порядке их предоставить⁴. В этом же месяце в Президиум Моссовета и музейный отдел Главнауки Наркомпроса был направлен отчет от Волоколамского совета РКД о деятельности музея в Иосифо-Волоцком монастыре. Сообщалось, что собраны материалы и экспонаты, не соответствующие тематике музея, и президиум Волоколамского уисполкома просит принять меры по его реорганизации⁵.

Данное событие раскрывает истинное положение дел в период крайней идеологизации музейной работы. Естественно, что в истории местного края монастыри и храмы способствовали консолидации вокруг них населения и культурных особенностей местности. По всей видимости, сотрудники краеведческого музея Волоколамска представляли посетителям для ознакомления подлинную историю города и монастыря. У местной власти, враждебно настроенной ко всему, что связано с Церковью и ее историей, это вызывало явный протест, что трансформировалось в ширококомасштабное движение по реорганизации музея. Как следует из документации, инициатива о реорганизации исходила не от музейных отделов и комиссий, а от местной власти, что еще раз подчеркивает политико-идеологическую направленность вопроса реорганизации.

Рассмотрев данное представление местного уисполкома, отдел по делам музеев Моссовета в феврале 1926 г. поручил провести дополнительное обследование музея Иосифо-Волоколамского монастыря и краеведческого музея Волоколамска с участием представителей как органов местного управления, так и самого музейного отдела⁶. Все мероприятия завершились только в мае 1926 г. В Волоколамский музей была направлена комиссия в составе представителей музейного отдела Главнауки – В.А. Безобразова и Н.Н. Померанцева, МОНО – Н.А. Пустоханова и В.К. Клейн. Осмотр территории, помещений и музейных ценностей осуществлялся в течение двух дней. После этого комиссия составила акт, в котором были даны подробные сведения о количестве земельных угодий, постройках, музейных предметах, монастырском архиве, количестве хозяйственного инвентаря и прочая информация⁷.

26 мая 1926 г. прошло совещание комиссии по обследованию и приемке музея бывшего Иосифова монастыря при детском городке имени 3-го Интернационала в присутствии: Н.Н. Померанцева от Главнауки, представителей Губмузея, заведующего детгородком, заведующего

¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1678. Л. 211.

² Там же. Ф. 966. Оп. 3. Д. 78. Л. 20.

³ Там же. Л. 23.

⁴ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 78. Л. 31.

⁵ Там же. Л. 33.

⁶ Там же. Д. 68. Л. 1.

⁷ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 78. Л. 24–25 об.

ОНО местного УИКа. Была обозначена позиция местного уисполкома: необходимо удалить из музея все экспонаты, связанные с монастырем и личностью Иосифа, и перевезти их хотя бы в Воскресенский музей. Все здания и хозяйственное имущество музея отдавались для нужд городка, обустройства ремесленных мастерских для детей.

Сотрудник Губмузея В.К. Клейн говорил, что реорганизация музея бывшего монастыря в чисто краеведческий музей – желание вполне законное и не может вызвать возражений: сейчас в этом музее есть экспонаты, не отвечающие задачам краеведческого музея, их придется изъять, некоторые могут быть изъяты из бывшего монастырского музея и оставлены в краеведческом музее – вопрос можно решить лишь после тщательного обсуждения и проработки. Приблизительно две трети экспонатов бывшего монастырского имущества, вошедшего в состав коллекции музея, считались неподходящими для краеведческого музея.

Представитель местной власти и отдела ОНО заявил, что для организации ремесленных классов детгородка нужна церковь Богоявления (с одностолбной палатой), ранее занимаемая музеем, но следует удалить оттуда все экспонаты монастыря и ризницу. Кроме того, для городка необходима вся нижняя часть собора, которая станет пригодной для использования после ремонта. Также требовалась запертая надвратная Петропавловская церковь, удобная для расширения площади детского клуба. Хозяйственный инвентарь музея (скамьи, шкафы и т. д.) следовало оставить детгородку, поскольку он нуждается в мебели, – такова общая линия требований уисполкома. Н.Н. Померанцев полагал, что ОНО (УНИ) должен предоставить в Губмузей на рассмотрение и последующее утверждение Главнауки план реорганизации краеведческой части музея бывшего Иосифова монастыря¹.

В июне 1926 г. началась ликвидация колоколов Иосифо-Волоцкого монастыря без согласия МОНО и Главнауки. Они находились на учете музейного отдела Главнауки, однако местная власть дала распоряжение на изъятие местным уфинотделом. Заведующий Иосифо-Волоколамского музея отправил докладную записку в музейный подотдел МОНО о незаконных действиях уфинотдела с приложением списка колоколов²: «Прилагая при сем список колоколов, имеющихся на колокольне бывшего Волоколамского монастыря, сообщаю, что они все изъяты на учет Волоколамского Уфинотдела, а также и губернского, и предполагается их в скором времени реализовать. Уже был техник от Губметалла и составляется смета на снятие колоколов. Доводя об этом до сведения музейного подотдела, прошу музейный подотдел разъяснить, может ли Уфинотдел без разрешения Губмузея брать колокола, а равно и музейного характера. Разъяснение прошу направить также и в Губернский, и в Волоколамский Уфинотделы»³. 21 июля 1926 г. музейный отдел МОНО направил письма заведующему Волоколамским музеем, волоколамскому УФО, Мосфинотделу о недопустимости начатого процесса ликвидации колоколов без согласия МОНО и Главнауки⁴.

1 августа 1926 г. музейным подотделом МОНО был зачислен в штат музея на должность надзирателя преподаватель детгородка Иван Владимирович Прозоров⁵ для работы в естественно-историческом отделе музея.

4 августа 1926 г. в музейный подотдел МОНО поступило ходатайство от К.Н. Щепетова о церкви Богоявления, в которой был размещен краеведческий музей. Автор письма ходатайствует о снятии иконостаса⁶. Данный вопрос был поставлен на заседании реставрационной комиссии 10 августа, на котором было решено затребовать размеры иконостаса⁷.

28 августа 1926 г. в Мосгубмузей от отдела по делам музеев Главнауки поступило требование о предоставлении плана предполагаемой реорганизации музея Волоколамского монастыря для рассмотрения его в методической комиссии отдела по историко-бытовым музеям⁸. Музейный подотдел МОНО 6 сентября 1926 г. направил требование заведующему Волоколамского музея К.Н. Щепетову о срочном предоставлении плана в Главнауку⁹. 7 сентября 1926 г. музейный подотдел МОНО предложил передать детгородку подвальные помещения собора монастыря для организации столовой¹⁰.

¹ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 68. Л. 2.

² Там же. Л. 4–5.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 7–8.

⁶ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 68. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Там же. Л. 15.

⁹ Там же. Л. 17.

¹⁰ Там же. Л. 18.

С одной стороны, перед музеем стояла реальная материальная проблема – не хватало средств; с другой – обострялся вопрос сохранения церковного имущества и предметов искусства. В связи с этим 16 сентября 1926 г. в музейный подотдел поступило ходатайство от К.Н. Щепетова с просьбой продать имеющиеся в передаваемом детгородку подвальном помещении собора четыре иконостаса: большой – за 75 р., два меньших – по 25, один – за 15 р., в соответствии с оценкой комиссии, состоящей из представителей уфинотдела, волисполкома и заведующего музеем¹. 29 сентября получен ответ: «Музейный подотдел против продажи указанных вещей в заявлении не возражает, при условии соблюдения Вами всех правил, установленных для продажи музейного имущества».

Другой факт, более ранний, также свидетельствует о сложном финансовом положении музея. Сохранился доклад заведующего К.Н. Щепетова от 31 августа 1926 г. для музейного подотдела МОНО о том, что музей не взимает плату за вход, земельные участки и помещения в аренду не сдает². В итоге к осени 1926 г. Волоколамский музей был реорганизован как историко-бытовой музей с удалением всех церковных предметов из его коллекции.

В 1926 г. в Ново-Иерусалимском музее имели место попытки вытеснения директора Н.А. Шнеерсона. Он обвинялся заведующим художественным отделом П.П. Никольским в проведении несанкционированных экскурсий в праздничные дни на возмездной основе. Конфликт нашел отражение в местной прессе. Инспектор Главнауки П.И. Карпов в докладной записке сообщал, что между директором музея Н.А. Шнеерсоном и научным сотрудником П.П. Никольским имеются серьезные разногласия, что создает нездоровую служебную атмосферу³. На место была отправлена комиссия, опрошены все сотрудники, проверена текущая документация и вынесено заключение, что научные работники музея безвозмездно проводили экскурсии по праздничным дням, после которых экскурсанты оставили позитивные отзывы⁴.

Реорганизация коснулась и Звенигородского музея. 20 октября 1927 г. произошло свертывание в срочном порядке на основании предписания музейного подотдела МОНО: в течение 12 часов передать помещения музея в ведение ОГПУ под Дом коммуны беспризорных. Все экспонаты были перенесены в монастырский собор. Некоторые предметы были поломаны или окончательно утрачены⁵. 18 января 1927 г. постановлением горсовета Звенигородский городок был объявлен заповедником⁶, распоряжением Наркомпроса от 4 апреля 1928 г. деятельность музея была возобновлена, новым заведующим назначен Владимир Михайлович Колобов⁷.

В конце 1920-х гг. на территории Московской губернии прогремело несколько крупных следственных дел в отношении так называемых черносотенных групп. В 1928 г. в стране началась коллективизация сельского хозяйства и борьба с классовыми врагами. В Сергиевом Посаде проживало много лиц, вызывавших подозрение у властей, и было сфабриковано так называемое «сергиевское дело».

Особым совещанием коллегии при ОГПУ большинство представителей антисоветской группы приговорены к разным наказаниям (Смирнова, 2014). Таким образом, «сергиевское дело» сфабриковано для устранения негодной старой комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры. Вскоре в Сергиево-Посадском музее прошла большая реорганизация. В итоге после «оптимизации» системы музейного дела, проведения районирования, создания Московской области в октябре 1929 г. музей бывшей Троице-Сергиевой лавры был передан в ведение музейного подотдела Московского областного отдела народного образования⁸.

С конца 1920-х гг. началась кампания по вытравливанию из музейной сферы неравнодушных к Церкви представителей Дмитровского музея. 13 января 1928 г. произведено обследование зданий и помещений Борисоглебского монастыря.

Активная деятельность заведующего Дмитровским музеем К.А. Соловьева обращала на себя внимание властей. Она выражалась не только в сохранении церковного имущества, создавая необходимые условия для сбережения ценностей культуры, но и в открытом противостоянии органам высшей власти. В начале 1930-х гг. стартовало строительство канала имени Москвы. Назначенный руководителем Каналстроя начальник ОГПУ Г.Г. Ягода для организации лагеря в целях размещения заключенных, занимавшихся сооружением канала, требовал выделения зданий Борисоглебского монастыря, где и размещался музей. Между К.А. Соловьевым и Г.Г. Ягодой

¹ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 68. Л. 20.

² Там же. Л. 16.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 834. Л. 84.

⁴ Там же. Л. 100.

⁵ Там же. Д. 842. Л. 27.

⁶ Там же. Л. 29.

⁷ Там же.

⁸ ЦГАМО. Ф. 4341. Оп. 1. Д. 22. Л. 24.

возник конфликт. В результате было сфабриковано дело «о контрреволюционной организации врачей и краеведов Москвы и Московской области»¹. К нему были привлечены сотрудники Дмитровского музея вместе с заведующим К.А. Соловьевым. В обвинительном заключении сообщалось, что участники дмитровской группы вели систематическую агитацию под видом бесед на краеведческие темы, в отделе быта наличием многочисленных икон подчеркивалось их преобладающее значение в быте русского крестьянства вместо того, чтобы делать акцент на положении эксплуатируемых, К.А. Соловьев группировал вокруг себя реакционные кадры².

Все арестованные были отправлены в Бутырскую тюрьму. Во время следствия К.А. Соловьев не признал представленные ему обвинения и не подписал протокол. Через несколько месяцев арестованных освободили за недостатком улик. Дмитровский краеведческий музей прекратил работу.

Выводы:

1. Музеефикация Троице-Сергиевой лавры – это наиболее ранний в отечественной практике опыт создания музея-заповедника в форме «живого музея», по определению о. П.А. Флоренского, которая является наиболее оптимальной для сохранения наследия, культуры монастырского быта.

2. Исторические факты убедительно доказывают, что музеефикация монастырей Подмосковья в послереволюционный период – это непростой процесс. С одной стороны, очевидно, что благодаря музеефикации были сохранены многие культурные ценности, национальное богатство, традиционная монастырская бытовая культура и ее особенности в разных монастырях. С другой стороны, в деле музеефикации значим и человеческий, личностный фактор тех, кому было поручено дело; важную роль (часто негативную) в организации сбережения монастырского наследия играли идеологизированность государственной политики, неоднозначность государственно-церковных отношений.

3. Участие научных работников в области искусства и культуры из числа верующего населения Московской губернии давало монашествующим возможность на начальном этапе сохранять частичную автономию и уставной уклад жизни.

4. Вытеснение из процесса музеефикации представителей церкви обуславливало недооценивание исторической значимости церковных древностей и ценностей и их полную утрату.

5. Идеологизированность государственной политики приводила к вытеснению из музеев-монастырей церковного элемента, а также нецелесообразному использованию монастырских памятников культуры: в монастырских стенах размещались государственные и общественные учреждения, здания отдавались под хозяйственные и жилищные нужды рабочего населения Московской губернии. В результате подобные действия тормозили процессы музеефикации, обуславливали запущенность и массовое разрушение монастырских ансамблей. На современном этапе все это потребовало реализации трудоемких восстановительных работ и реставрации монастырских комплексов.

Список источников:

Алексеева Л.С., Оленич Л.В. Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41-2. С. 111–121.

Андроник (Трубачев А.С.), игум. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. М., 2008. 430 с.

Гаганова М.А. Документы Главнауки Наркомпроса о музеефикации монастырей в 1920-е гг. // Отечественные архивы. 2015. № 4. С. 67–74.

Гаганова М.А. Троице-Сергиева лавра в зеркале XX в.: святыня, памятник, музей-заповедник (факты и документы). М., 2018. 312 с.

Демченко Г.А., Горбатов А.В. К вопросу музеефикации церковных колоколов: подходы, проблемы // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 178–181.

Козлов В.Ф. Музеи-монастыри в Советской России (1917 – начало 1930-х гг.) // Мир источниковедения / ред. А.Д. Зайцев, Р.Б. Казаков, С.М. Каштанов, В.Ф. Козлов, В.А. Муравьев, Е.В. Старостин, С.В. Чирков. М.; Пенза, 1994. С. 340–344.

Музейное дело России / под общ. ред. М.Е. Каулен. М., 2003. 615 с.

Померанцева Н.А. Николай Николаевич Померанцев: нити жизни и вехи пути // Резные иконостасы и деревянная скульптура русского севера: материалы конференции / сост. Т.М. Кольцова. Архангельск, 1995. С. 5–19.

Смирнова Т.В. Сергиев Посад: репрессии 1920-х гг. // Кадашевские чтения : сб. докл. конф. / гл. ред. А. Салтыков. М., 2014. Вып. XV. С. 17–33.

Соловьев К.А. Городской монастырь, проблемы сохранения и музеефикации памятников церковной старины на рубеже XIX–XX столетий // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Строительство и архитектура. 2007. № 7. С. 207–211.

Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 6. С. 18–20.

¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-46570. Л. 231.

² Там же.

References:

- Alekseeva, L.S. & Olenich, L.V. (2017) The concept of a "Living Museum" of priest Pavel Florensky and forms of existence of modern church museums. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art*. (41-2), 111–121. (In Russian)
- Andronik (Trubachev, A.S.) (2008) Closure of Trinity-St. Sergius Lavra and the Fate of the Relics of St. Sergius of Radonezh in 1918-1946. Moscow, Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. (In Russian)
- Demchenko, G.A. & Gorbatov, A.V. (2020) Approaches and problems on the issue of the church bells museumification. *Mission Confessions*. 9 (2), 178–181. (In Russian)
- Florenskii, P.N. (1988) Temple Action as a Synthesis of the Arts. *Arkhitectura i stroitel'stvo Moskvy*. (6), 18–20. (In Russian)
- Gaganova, M.A. (2015) Documents of the Narkompros [Main Directorate of Science] on the Museumification of Monasteries in the 1920s. *Otechestvennye Arkhivy*. (4), 67–74. (In Russian)
- Gaganova, M.A. (2018) The Trinity Lavra of St. Sergius in the Mirror of the Twentieth Century: Sanctuary, Monument, Museum-Reserve (Facts and Documents).. Moscow, Drevlekhranilishche. (In Russian)
- Kaulen, M.E. (ed.) (2003) Russian Museum Business. Moscow, VK. (In Russian)
- Kozlov, V.F. (1994) Monastery Museums in Soviet Russia (1917 - early 1930s). In: Zaitsev, A.D., Kazakov, R.B., Kashtanov, S.M., Kozlov, V.F., Murav'ev, V.A., Starostin, E.V. & Chirkov, S.V. (eds.) *World of Source Studies*. Penza, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 340–344. (In Russian)
- Pomerantseva, N.A. (1995) Nikolai Nikolaevich Pomerantsev: Life Threads and Milestones of the Path. In: Kol'tsova, T.M. (compiler) *Carved Iconostases and Wooden Sculpture of the Russian North: Proceeding of the Conference*. Arkhangel'sk, VKH-NRTS, 5–19. (In Russian)
- Shapiro, B.L. (2020) Moscow Kremlin old maidens' convent necropolis: history and museumification. *Studia Humanitatis*. (2), 2. (In Russian)
- Smirnova, T.V. (2014) Sergiev Posad: Repressions of the 1920s. In: Saltykov, A. (ed.) *Kadashev Readings: Proceeding of the Conference*. Moscow, Lug dukhovnyi, Kadashevskaya Sloboda, 17–33. (In Russian)
- Soloviev, K.A. (2007) City monastery: problems of preservation of old church buildings in 19–20 century. *Bulletin of Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering Series: Civil Engineering and Architecture*. (7), 207–211. (In Russian)

Информация об авторах

И.И. Степанов (игумен Лука) – кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Рязань, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=719229.

А.А. Зажеко (иеродиакон Антоний) – аспирант, Московская духовная академия, Сергиев Посад, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1034453.

Information about the authors

I.I. Stepanov (Hegumen Luka) – PhD in History, Associate Professor, Department of Theology, Ryazan State University named for S. A. Esenin, Ryazan, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=719229.

A.A. Zazheko (Hierodeacon Anthony) – PhD student, Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1034453.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.